

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ В УЛАН-УДЭ

За последние два года на территории Бурятской АССР и Читинской области проводились значительные полевые этнографические исследования силами двух академических учреждений — Бурятским научно-исследовательским институтом, входящим в состав Сибирского отделения АН СССР, и Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Оба эти института снаряжали комплексные экспедиции по изучению хозяйства, культуры, общественного и семейного быта сельского населения Бурятии и Читинской области.

19—21 декабря 1961 г. в Улан-Удэ состоялось Второе этнографическое совещание, которое подвело некоторые итоги двухлетних полевых исследований в Забайкалье.

Первое этнографическое совещание, которое проходило в Улан-Удэ в 1958 г. в связи со 100-летием со дня рождения известного бурятского этнографа, народного учителя и общественного деятеля М. Н. Хангалова, решило систематически проводить в память ученого «хангаловские чтения». Второе этнографическое совещание по существу превратилось в массовые «хангаловские чтения» с привлечением филологов-фольклористов и историков Бурятского педагогического института им. Доржи Банзарова, Иркутского университета, представителей двух Бурятских национальных округов, представителей научной общности Москвы, Новосибирска, Горного Алтая. Среди выступавших в прениях (а их было 23 человека) были искусствоведы, фольклористы, улигерчины (сказители), писатели, журналисты, представители сельской интеллигенции.

Совещание открыл директор Бурятского комплексного научно-исследовательского института О. В. Макеев. Затем было заслушано 16 докладов и 4 сообщения. Задачам этнографического изучения народов Бурятской АССР в свете решений XXII съезда КПСС был посвящен доклад Ц. О. Очирова и И. Е. Тугутова. А. П. Окладников сделал интересный, богато иллюстрированный доклад об исторической этнографии Монголии (по памятникам древнемонгольской культуры на скалах у подножья горы Богдо-Уул).

И. Е. Тугутов выступил с докладом об этнографическом изучении хозяйства, культуры и быта современного бурятского колхозного улуса.

И. А. Манжигеев (Бурятский сельскохозяйственный институт), Р. Е. Пубаев (Бурятский комплексный институт) свои доклады посвятили научно-атеистической теме: причинам существования шаманистских пережитков, а также пережитков ламаизма в быту колхозного крестьянства и способам их преодоления. Доклад И. А. Манжигеева вызвал у этнографов Бурятии особый интерес новизной постановки основных теоретических вопросов, связанных с происхождением шаманизма у бурят. Манжигеев утверждает, что с начала разложения первобытнообщинного строя, когда внутри рода возникла шаманская аристократия, состоявшая из лиц, специализировавшихся на магических обрядах, знахарстве, ворожбе, возникло почитание духа шаманов. Души умерших шаманов, превращенные в различные божества (тэнгрины, хады, онгоны и зайны), вытесняли в сознании верующих обожествление тотемов и других объектов ранних форм религии. Шаманская аристократия жила за счет эксплуатации общества. В дореволюционной Бурятии каждая семья шаманиста 30% своего годового бюджета расходовала на религиозные обряды, в том числе на содержание многочисленных шаманов различных духовных рангов. В ходе социалистического преобразования хозяйства и всего бытового уклада, роста культурного уровня населения подрывались социальные корни шаманства и ламаистской религии. В Бурятии быстро идет процесс отмирания шаманства и ламаизма. Однако еще сохранились некоторые религиозно-бытовые традиции и обычаи, унаследованные от прошлого.

После доклада Р. Е. Цубаева о пережитках ламаизма в быту колхозного крестьянства выступили в прениях старые учителя А. А. Убугунов, Ц. Б. Балдано и другие. По словам А. А. Убугунова, некоторые шаманские культы сохраняются в отдаленных бурятских улусах в результате серьезного недостатка в работе сельских активистов — коммунистов, комсомольцев и представителей интеллигенции по воспитанию населения в духе атеизма. Они явно недостаточно ведут борьбу за создание новых, соответствующих социалистическому укладу жизни традиций и обычаев. Поэтому в силу инерции еще столь живучи религиозно-бытовые пережитки, порожденные старыми обычаями и традициями, связанными со свадьбой, рождением ребенка, погребальными и другими обрядами. Борьба за новые торжественные обычаи, украшающие быт народа, за создание новых социалистических традиций — это значит решительно выступать против таких устаревших бытовых традиций, как дорожие дарения на свадьбах и при приезде гостей, при рождении детей, на различных юбилеях, разорительные и обременительные свадебные обряды и т. д.

А. И. Уланов (Бурятский научно-исследовательский институт) сделал доклад на тему «Отражение быта в бурятском эпосе». Он показал на эхиритских вариантах улигеров характерные черты периода распада матриархата у бурят. Унгинский эпос уже отражает господство патриархального отцовского рода, возглавляемого старейшиной-мужчиной.

Были заслушаны доклады Л. Е. Элиасова о традиционной советской народной поэзии «семейских» Забайкалья (русского старожильческого населения), Г. Н. Румянцева о фольклорно-бытовых сюжетах в монгольских и бурятских летописях, ста-

рейшего этнографа Бурятии С. П. Балдаева о музейных экспонатах по этнографии.

Был зачитан доклад М. Г. Воскобойникова (Ленинградский педагогический институт) «Об отражении современной жизни эвенков в их национальном фольклоре».

П. П. Хороших (Иркутский университет), отдавший почти полвека изучению бурятского орнамента, свой доклад посвятил сугубо практическому вопросу — организации коврового производства в Бурятии. Его доклад сопровождался богатой выставкой «Мотивы орнамента на изделиях бурят», включавшей более полусотни зарисовок народного орнамента, различных по тематике и по характеру исполнения. В бурятском орнаменте отразились различные эпохи и воззрения народа, менявшиеся и совершенствовавшиеся в различные исторические периоды.

Доклад П. П. Хороших был заслушан с большим вниманием. Выставку образцов художественного прикладного искусства он подарил Бурятскому комплексному институту.

Участники совещания познакомились с развернутыми тезисами доклада В. И. Элашвили (Тбилисской институт физкультуры), который изучал бурятские спортивные игры.

Остальные доклады были представлены научными сотрудниками Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Они в основном построены на материалах Забайкальского отряда Комплексной экспедиции 1959—1961 гг.

Г. С. Маслова в своем докладе обобщила огромный материал по русскому костюму всей Средней и Восточной Сибири: Красноярского края, Иркутской и Читинской областей и Бурятской АССР. Старинная крестьянская одежда послужила ценным источником для изучения вопросов формирования культурно-бытовых особенностей русских в Сибири и их этнических связей. Изучение современной одежды колхозников позволяет проследить те пути, по которым идет перестройка быта деревни. Наиболее старинная одежда старжилово от Енисея до Байкала представляла сложный комплекс, в котором сочетались яркие северновеликорусские черты (кокошник, шушун, шугай, телогрея) и характерные западнорусские и белорусско-украинские элементы (мужская рубаха с поликами, штаны с широким шагом и др.).

Мужская и женская рубахи с «пелериной», сарафан «с лифом» и др. принадлежат ко второму комплексу одежды Приангарья, который сформировался и распространился в Восточной Сибири, по-видимому, в XIX в.

В Забайкалье выделяют два комплекса одежды: сибиряков и бывших старообрядцев («семейских»). Одежда сибиряков Забайкалья сходна со вторым приангарским комплексом. Одежда «семейских» представляет своеобразный вариант русского национального костюма, отличный по ряду деталей от одежды сибиряков и сходный с одеждой двух других старообрядческих групп, поселившихся на Алтае. Наиболее существенным отличием «семейского» комплекса являются женские головные уборы и сарафан прямой (а ранее — косоклинный) в отличие от юбки-сукманки или сарафана с лифом у старожилов Сибири. Комплекс одежды «семейских» крайне сложен, как сложно и само их происхождение. Наряду с бросающейся в глаза яркостью и обилием украшений по образцу южновеликорусских областей в общем облике женской одежды много северновеликорусских черт (головные уборы). На восточносибирской одежде сказались тесные взаимосвязи с местным населением — эвенками, бурятами, якутами и др.

Сближение одежды деревни и современного города — это результат укрепления экономики совхозов и колхозов, дальнейшего культурного подъема деревни. Все большее значение приобретает завод в деревню готовых фабричных изделий (белья, платья, обуви).

Некоторые итоги изучения семьи и семейного быта у русских Забайкалья подвела А. А. Лебедева. Она собрала большой полевой материал в русских бывших старообрядческих («семейских»), казачьих и крестьянских старожиловских семьях сел Большой Куналей и Хонхой Бурятской АССР, казачьих сел Мангут и Верхний Ульхун Читинской области. Старообрядческая религия раскольников-абакумовцев раньше запрещала семейским обучаться гражданской грамоте, обращаться к врачу, к инаковерующим, фотографироваться, смотреть кино и т. п. В настоящее время среди бывших старообрядцев немало семей, где дети имеют высшее образование. Существенные изменения произошли как в структуре, так и в характере внутренних взаимоотношений русской забайкальской семьи. Большая неразделенная семья в три-четыре поколения численностью более 20 человек была характерна для всех групп русских Забайкалья. Такая форма семьи частично сохранилась до коллективизации. В данное время во всех русских селах Забайкалья единственной формой является малая семья в два поколения и лишь в отдельных случаях осталась традиция сохранения семей в три поколения, при которой родители живут с женатым сыном или замужней дочерью.

Об общественном быте и культуре «семейского» населения рассказала в своем докладе Н. С. Полищук.

С интересным докладом на мало исследованную тему об архитектуре крестьянских построек выступил И. В. Маковецкий (Институт истории искусств Министерства культуры СССР). Он на богатом фактическом материале показал, как русские зародные зодчие, используя немногие устойчивые типы крестьянского жилища, создавали бесконечное разнообразие наличников, крылец, ворот. Они удачно находили спо-

собы их художественного обогащения, применяя роспись и резной орнамент. Докладчик на конкретных примерах доказал, что русская народная культура Забайкалья развивалась в тесном взаимодействии с традиционной культурой бурят. Русские крестьяне Забайкалья часто приглашали бурятских мастеров для выполнения живописных и резных работ при возведении своих жилых построек. Резной и живописный бурятский орнамент присутствует на наличниках, ставнях, во внутренней обстановке и бытовом инвентаре русского «семейского» населения. И. В. Маковецкий показал собранную цветной кинофильм, заснятый им во время экспедиции.

После докладов были заслушаны сообщения: Г. И. Охрименко на тему «К вопросу о социалистических преобразованиях в быту «семейских», Р. Ф. Тугутова — «Роль краеведческого музея в пропаганде нового быта», аспирантов: Т. А. Михайлова по шаманизму, К. Д. Басаевой об изучении семейного быта аларских бурят и зачитан реферат аспиранта Ю. Б. Рандалова о культуре и быте рабочих совхозов Бичурского аймака.

Г. Г. Бескодаров (Иркутск) рассказал об этнографической работе учеников М. Н. Хангалова, проживающих в Осинской долине. Среди них он назвал дочь знаменитого этнографа, старую сельскую учительницу, ныне персональную пенсионерку Софью Матвеевну Хангалову. Содержательным было выступление директора Закулейской восьмилетней школы М. Н. Баксаева (Иркутск). Директор Ульдургинской средней школы Еравнинского аймака, известный поэт Ц. Н. Номтоев рассказал о народных играх, которые с давних пор бытуют у бурят. Докладчик внес предложение: в каждом аймаке организовать на общественных началах краеведческий музей.

Преподаватель географии Сутайской восьмилетней школы Б. Ц. Цыренов сообщил, что он, по совету этнографов из Улан-Удэ, ведет в своем Мухоршибирском аймаке систематическое фенологическое наблюдение, которое имеет практическое значение для сельскохозяйственного производства.

А. И. Балдунников (улус Бильчир) рассказал об исторических памятниках, которые требуют охраны со стороны государственных органов. Только в одной Унгинской долине, на родине М. Н. Хангалова, имеется несколько городищ, как следует не изученных в археологическом отношении. Сам А. И. Балдунников 34 года назад, в 1928 г., произвел археологическую раскопку в Хайге, недалеко от реки Обусы, где обнаружил погребение древних насельников края.

Искусствовед А. В. Тумахани в своем выступлении обратил внимание этнографов на необходимость тщательного изучения топонимики и восстановления на географических картах правильных топонимических названий.

Врач Б. Б. Батуев свое выступление посвятил народной медицине. К числу известных средств бурятской народной медицины он относит так называемый «маралий корень» — тонизирующее растение, известное под названием лезвези сафлоровидной. Его обнаружили окинские буряты, живущие в нагорьях Саян. Он теперь освоено нашей советской медицинской промышленностью. Буряты с давних пор знают лекарственную траву ута убээн (эфедру, или хвойник) — род кустарника из типа голоосеменных. Теперь и научной медицине стало известно, что эфедрин, алколюид растения эфедры, или кузьмичевой травы, обладает резко выраженным возбуждающим действием на центральную нервную систему. Медики применяли его также при приступах бронхиальной астмы, падении кровяного давления, при глазных болезнях, при насморке. Далее Б. Б. Батуев подробно рассказал о целебных свойствах таких испытанных народных медикаментозных средств, как чага, облепиха, хвойные и цветочные ванны, кабарговая струя (мускус), пантакрин и др., проверенные на практике научной медициной. В бурятской народной медицине большое место занимает своеобразная физиотерапия. Речь идет о народных приемах массажа при невралгии, о барячинах (костоправах и мастерах, выправляющих вывихи, переломы).

Из всех докладов и сообщений, сделанных на совещании, следует, что в жизненном укладе, общественном и семейном быту бурят произошли разительные перемены в связи с улучшением материального положения и повышением культурного уровня. Коммунистическое строительство использует многовековой народный опыт ведения хозяйства и совершенствует его. Рост и развитие общественного хозяйства совхозов и колхозов, внедрение широкой механизации в сельское хозяйство обусловили появление новых приемов и методов, становление нового народного опыта. Этот новый опыт и инициатива передовых людей нашли яркое воплощение в движении бригад коммунистического труда, которое не только преобразует хозяйство, но и переустраивает быт на коммунистических началах.

Ф. А. Кудрявцев (Иркутск) сказал в своем выступлении, что кончился период временного застоя в этнографическом изучении быта и культуры народов Бурятии и Сибири вообще. Доказательством тому служит плодотворная работа Второго этнографического совещания, которое подвело предварительные итоги полевых этнографических исследований.

И. Е. Тугутов